

Владимир Маяковский

Очерки 1922-1923 годов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М39

М39 **Маяковский В.**
Очерки 1922-1923 годов / Владимир Маяковский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 76 с.

ISBN 978-5-4241-2228-6

Стихи Маяковского были впервые опубликованы в 1912 в альманахе группы "Гиляя" "Пощечина общественному вкусу", где был помещен и манифест, подписанный Маяковским, В. В. Хлебниковым, А. Е. Крученых и Бурлюком, в нарочито эпатирующей форме заявлявший о разрыве с традициями русской классики, необходимости создания нового языка литературы, соответствующего эпохе. В 1915 Маяковский познакомился с Л. Ю. Брик, которая заняла центральное место в его жизни. Революция была принята Маяковским как осуществление возмездия за всех оскорбленных в прежнем мире, как путь к земному раю. В 1918 Маяковский организовал группу "Комфут" (коммунистический футуризм), сотрудничал в газете "Искусство коммуны", в 1923 создал "Левый фронт искусств" (ЛЕФ), куда вошли его единомышленники писатели и художники, издавал журналы "ЛЕФ" (1923-25) и "Новый ЛЕФ" (1927-28). Кроме того, он писал и злободневную сатиру, стихи и частушки для агитационных плакатов ("Окна РОСТА", 1918-21).

ISBN 978-5-4241-2228-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Владимир Владимирович
Маяковский
Очерки 1922-1923 годов

Маяковский Владимир Владимирович

Очерки 1922-1923 годов

СОДЕРЖАНИЕ1

Париж. (Записки Людогуся)
Париж. Театр Парижа
Париж. Быт
Парижские очерки. Музыка
Семидневный смотр французской живописи
Парижские провинции
Сегодняшний Берлин

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине 1 Очерки "Осенний салон" и "Париж. Художественная жизнь города" (см. "Семидневный смотр французской живописи", стр. 233).

ПАРИЖ

(Записки Людогуся)

ПРЕДИПОЛСЛОВИЕ

Вы знаете, что за птица Людогусь? Людогусь – существо с тысячеверстной шеей: ему виднее!

У Людогуся громадное достоинство: "возвышенная" шея. Видит дальше всех. Видит только главное. Точно устанавливает отношения больших сил.

У Людогуся громадный недостаток: "поверхностная" голова – маленьких не видно.

Так как буковки – вещь маленькая (даже называется – "петит!"), а учебники пишутся буквами, то с такого расстояния ни один предмет досконально не изучишь.

Записки Людогуся блещут всеми людогусьими качествами.

О ЧЕМ!

О парижском искусстве + кусочки быта.

До 14 года нельзя было выпустить подобные записи.

В 22 году – необходимо.

До войны паломники всего мира стекались приложиться к мощам парижского искусства.

Париж знали наизусть.

Можно не интересоваться событиями 4-й Тверской-Ямской, но как же не знать последних мазков сотен ателье улицы Жака Калло?!

Сейчас больше знакомых с полюсами, чем с Парижем.

Полюс – он без Пуанкарей. Он общительнее.

ВЕСЕЛЕНЬКИЙ РАЗГОВОРЧИК В ГЕРМАНСКОМ КОНСУЛЬСТВЕ

– Виза есть?

– Есть.

– Ваш паспорт?

Протягиваю красную книжечку РСФСР. У секретарши руки автоматически отдергиваются за ее собственную спину.

– На это мы виз не ставим. Это надо переменить. Зайдите. Тут рядом 26-й номер.

Конечно, знаете. (Беленькое консульство!) Мадам говорит просто, как будто чашку чая предлагает.

Делаю удивленное и наивное лицо:

– Мадам, вас, очевидно, обманывают: наше консульство на Унтер-ден-Линден, 7. В 26-м номере, должно быть, какая-то мошенническая организация. 26-й номер нигде в НКИД не зарегистрирован. Вы должны это дело расследовать.

Мадам считает вопрос исчерпанным. Мадам прекращает прения:

– На это мы визы не поставим.

– На что же вы ее поставите?

– Можем только на отдельную бумажку.

– На бумажку, так на бумажку – я не гордый.

– Неужели вы вернетесь опять туда?!

– Обязательно.

Мадам удивлена до крайности.

Очевидно, наши "националисты", проходившие за эти годы сквозь консульства, с такой грациозностью, с такой легкостью перепархивали с сербского подданства на китайское, что мое упорство просто выглядело неприлично.

ДИАЛОГ СО "СПЕЦИАЛЬНЫМ" ПОЛИЦЕЙСКИМ

Французская граница. Осмотр паспортов. Специальный комиссар полиции.
Посмотрит паспорт и отдаст. Посмотрит и отдаст.

Моя бумажка "специальному" определенно понравилась.

"Специальный" смотрит восторженно то на нее, то на меня.

– Ваша национальность?

– Русский.

– Откуда едете?

– Из Берлина.

– А в Берлин откуда?

– Из Штеттина.

– А в Штеттин откуда?

– Из Ревеля.

– А в Ревель откуда?

– Из Нарвы.

– А в Нарву откуда?

Больше иностранных городов не осталось. Будь, что будет. Бухаю:

– Из Москвы.

В ответ получаю листок с громким названием: "Санитарный паспорт" и предложение:

В 24 часа явиться к префекту парижской полиции.

Поезд стоит. Стою я. Рядом – "специальный". Поддерживает вежливую беседу. Где остановлюсь? Зачем еду? Такой внимательный. Все записывает.

Поезд трогается. "Специальный" соскакивает, напоминая:

– В двадцать четыре! Предупредительные люди!

У ПРЕФЕКТА ПОЛИЦИИ

Париж. Закидываю вещи в первый попавшийся отель. Авто. Префектура.

Отвратительно с блестящей Сены влезть в огромнейшую нудную казарму. Наполнена блестящими сержантами и привлекаемою за что-нибудь дрянью парижских чердаков и подвалов.

Меня сквозь нищую толпу отправляют на третий этаж. Какой-то секретарь в черной мантилье.

Становлюсь в длинную очередь. Выстоял.

– У меня "санитарный паспорт". Что делать?

– Сняться. Четыре карточки засвидетельствуете в своем участке и оставите там, а четыре засвидетельствуете и сейчас же сюда.

– Мосье! "Санитарный паспорт", очевидно, преследует медицинские цели. Я из России два месяца. Нет смысла хранить столько времени вшей специально для Парижа.

Во-вторых, едва ли фотография – хорошее средство от тифов: я буду сниматься одетым, до пояса, в маленьком формате; если у меня даже вши есть, не думаю, чтобы они при таких условиях вышли на карточках.

Очевидно, "санитарный" – по-французски не то, что по-русски. Речь моя "мусье в мантилье" не убедила, и меня все-таки послали к... фотографу.

Вместо фотографа я пошел к себе в отель.

Так и так. Если всю эту капиталь надо проделывать, возьмите мне на завтра билет в Берлин.

– Плюньте и дней десять живите!

Плюнул с удовольствием.

СХЕМА ПАРИЖА

После нищего Берлина – Париж ошеломляет.

Тысячи кафе и ресторанов. Каждый, даже снаружи, уставлен омарами, увешан бананами. Бесчисленные парфюмерии ежедневно разбираются блистательными покупщицами духов. Вокруг фонтанов площади Согласия вальсируют бесчисленные автомобили (кажется, есть одна, последняя, лошадь, ее показывают в зверинце).

В Майолях, Альгамбрах – даже во время действия, при потущенных люстрах – светло от бесчисленных камней бриллиантниц. Ламп одних кабаков Монмартра хватило бы на все российские школы. Даже тиф в Париже (в Париже сейчас свирепствует брюшной тиф) и то шикарный: парижане его приобретают от устриц.

Не поймешь! Три миллиона работников Франции сожрано войной. Промышленность исковеркана приспособлением к военному производству. Области разорены нашествием.

Франк падает (при мне платили 69 за фунт стерлингов!). И рядом – все это великолепие!

Казалось бы, для поддержания даже половины этой роскоши – каждый дом Парижа надо бы обратить в завод, последнего безземельного депутата поставить к станку.

Но в домах, как и раньше, трактиры.

Депутаты, как и раньше, вертят языками.

Хожу улицами. Стараюсь попять схему парижского дня, найти истоки золота, определить размеры богатства.

Постепенно вырисовывается такая схема:

Деловой день (опускаю детали) – все, начиная с Палаты депутатов, с крупнейших газетищ, кончая последней консьержкой, стараются над добычей золота не из каких-нибудь рудников, а из разных подозрительных бумажек: из Версальского договора, из Севрского, из обязательств нашего Николая. Трудится Пуанкарэ, выкраивает для Германии смирительную рубашку reparаций. Трудится газета, травящая Россию, мешающую международным грабежам. Трудится консьержка, поддерживая свое правительство по мере сил и по количеству обличий русских заемов.

Те, кто урвали из возмешенных "военных убытков", идут в Майоли. Те, кто только получили жалованье, при выколачивании, шествуют в кафе. Те, кто ничего не получили, текут в кино, смотреть призывы правительства к размножению (надо "переродить" немцев!), любуются "самым здоровым новорожденным Парижа", стараются рассчитать, сколько франков такой род обойдется в хозяйстве, и... слабо поддаются агитации.

А утром возвращающихся из Монмартра встречают повозки зелени окрестных фермеров, стекающихся в Галль – "желудок Парижа".

Крестьяне получают бумажки и медаль, оставшиеся от размена германских золотых марок. Париж получает свою порцию салатов и моркови для восстановления сил трудящихся Пуанкарэ и консьержек.

К сожалению (для Парижа), это не перпетуумobile.